

БУД ДО

КОДЕКС ЧЕСТИ
САМУРАЯ

Книга мудрости

Инадзо Нитобэ

Бусидо. Кодекс чести самурая

«Издательство АСТ»

1900

УДК 355.4
ББК 68

Нитобэ И.

Бусидо. Кодекс чести самурая / И. Нитобэ — «Издательство АСТ», 1900 — (Книга мудрости)

ISBN 978-5-17-117307-4

Эта уникальная книга – наиболее полное и понятное описание не только воинского искусства, зародившегося в феодальной Японии, но и объяснение принципов воспитания и формирования японского национального характера. Однако всем этим принципам, будь то быт, бизнес или взаимоотношения с людьми, можно с успехом следовать и сейчас – ведь понятия долга, чести, патриотизма и верности не устаревают никогда.

УДК 355.4
ББК 68

ISBN 978-5-17-117307-4

© Нитобэ И., 1900
© Издательство АСТ, 1900

Содержание

Предисловие к первому изданию	6
Дополнительное предисловие к десятому и последующим изданиям	7
Об авторе	8
Глава 1	9
Глава 2	12
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Инадзо Нитобэ

Бусидо. Кодекс чести самурая

*Моему любимому дяде Токитоси Ота,
который учил меня почитать прошлое и восхищаться деяниями
самурая,
я посвящаю эту небольшую книгу*

*На тропе
Среди скал и утесов, Испышиваемый ужасом вечным,
Ты ищешь дорогу свою, что поведет тебя дальше Сквозь ужаса
непостижимость
По каменной кромке над бездной.
И есть ли хоть что-то еще на дальнем краю бесконечной пустыни?
Но вот же (осеняет внезапно тебя),
Вот же, что может разрушить твою безысходность:
Стоит лишь только пошире раскрыть глаза и понять,
Что здесь и начинается вера.*

Роберт Браунинг «Апология епископа Блоугрэма»

*Существует, если так можно сказать, три безусловные
силы, благодаря которым человечество способно время от времени
возрождаться к особо тонким искусствам и обширной научной
деятельности.*

Эти силы есть свобода, религия и честь.

Генри Галлам «Взгляд на состояние Европы в средние века»

Благородство уже само по себе поэтично.

Фридрих Шлегель «Философия истории»

Предисловие к первому изданию

Около десяти лет назад я провел несколько дней в гостеприимном доме выдающегося бельгийского юриста, покойного профессора де Лавелье. На одной из прогулок мы вдруг заговорили о библейских заповедях. «Вы хотите сказать, что в ваших школах дети не обучаются религии?» – спросил меня досточтимый профессор. Я подтвердил это. Он вдруг остановился. «Но как же еще дети узнают о моральных ценностях, если их не обучать религии?» Я до сих пор слышу то недоумение, с которым он задал мне этот вопрос. Я был обескуражен и не нашел тогда, что ему ответить. С самого раннего детства я получал нравственное воспитание отнюдь не в школе, но лишь начав анализировать собственные представления о добре и зле, понял, что обязан ими тому, что дышал воздухом бусидо.

Кроме того, моя жена-американка часто спрашивала меня, почему у японцев такие обычаи, откуда у них такое мировоззрение. Это тоже подтолкнуло меня к написанию книги.

Пытаясь ответить жене и профессору де Лавелье, я осознал, что без понимания бусидо и эпохи феодализма, нравственные принципы современной Японии остаются тайной за семью печатями.

После затяжной болезни у меня появилась возможность вспомнить ответы, которые я давал в наших домашних беседах, и изложить их в том виде, в котором они сейчас предстанут перед читателем. Большую часть из них я узнал из разговоров с родными еще в те времена, когда был совсем ребенком, а Япония жила в условиях феодализма.

Трудно заставить себя писать о Японии по-английски, если твоими предшественниками были мистер Лафкадио Хирн и миссис Фрейзер, сэр Эрнст Сатоу и профессор Чемберлен. Единственное мое преимущество перед ними состоит в том, что я могу занять место ответчика, тогда как эти почтенные авторы могли выступать лишь адвокатами и поверенными. Я все время ловил себя на мысли о том, что, имея их писательское дарование, я мог бы гораздо красноречивей изложить свои доводы о Японии. Но говорящий на чужом языке должен радоваться уже тому, что может выразиться вразумительно.

Чтобы помочь читателю с западным сознанием и образом мышления в понимании японских традиций, я использовал в книге самые разные примеры из европейской истории и литературы.

Некоторые мои представления о вопросах веры и духовенстве могут показаться оскорбительными, но надеюсь, что читатель не усомнится в моем отношении к христианству. Я отношусь без симпатии не к самому учению Христа, а к церковным практикам, затрудняющим его понимание.

Я верую в Христа и искренне разделяю Его заповеди, переданные в Новом Завете, а также верую в то, что Завет, именуемый Ветхим, Господь заключил со всеми народами – евреями и не евреями, христианами и язычниками. Но я постараюсь не обременять читателей своими религиозными взглядами.

ИНАДЗО НИТОБЭ,

Малверн, Филадельфия, декабрь 1899 г.

Дополнительное предисловие к десятому и последующим изданиям

Все поправки и добавления в настоящем издании в основном сводились мною к конкретным примерам. Я по-прежнему сожалею, как сожалел всегда, что не смог добавить главу о Сыновнем Долге, который считается одним из двух колес колесницы японской этики – преданности другим. Я до сих пор не могу понять, как смотрит на это явление западная культура и люди, воспитанные в ней, и потому не могу подобрать сравнений, которые бы в полной мере смогли проиллюстрировать мои сентенции; однако сейчас я не вижу способа сделать эту книгу лучше, чем она уже получилась.

ИНАДЗО НИТОБЭ, Киото, 1905 г.

Об авторе

Инадзо Нитобэ родился в 1862 году, был третьим сыном известной семьи самураев в городе Мориока на севере Японии. В десять лет начал изучать английский язык. Образование получил в Саппоро в сельскохозяйственной школе, а затем в Императорском университете в Токио. Позже уехал в Соединенные Штаты Америки, где с 1884 по 1887 год изучал политехнические дисциплины в университете Джонса Хопкинса. В 1890 году он получил докторскую степень в Университете Галле (Германия). В 1891 году Инадзе Нитобэ вернулся в Японию и опубликовал несколько книг на английском и немецком языках. С 1891 по 1897 год преподавал в сельскохозяйственной школе Саппоро, время от времени выезжал в Калифорнию и Пенсильванию, где и написал книгу «Бусидо – душа Японии», которая была опубликована в 1900 году.

С 1903 по 1919 год Инадзо Нитобэ был профессором в Императорском Университете Киото и возглавлял Первую Высшую школу в Токио. Сотрудничал с Лигой Наций после окончания Первой мировой войны. Руководил Институтом связей стран Тихоокеанского региона с 1929 по 1933 год. В 1933-м году в составе японской делегации Инадзо Нитобэ посетил международную конференцию в Канаде, но во время нее заболел пневмонией и скончался в госпитале Виктория.

Глава 1

Бусидо Как этическая система

Цветок рыцарского благородства – такая же исконная отличительная особенность японской земли, как и ее символ – цветок сакуры. И это вовсе не засушенный экспонат гербария добродетелей древности. Для нас он остается живым воплощением силы и красоты. И хотя цветок этот не обладает материальной формой, его аромат до сих пор питает нравственные стороны нашей жизни, напоминая нам, что мы по-прежнему находимся в плену его очарования. Старый уклад жизни, возраставший его, давно ушел в прошлое, но как свет далеких и давно угасших звезд по-прежнему доходит до нас, так и японское рыцарство, дитя феодализма, пережив своего родителя, продолжает освещать наш нравственный путь. Возможность рассказать о нем на языке Бёрка, некогда произнесшего известную трогательную речь над могилой его позабытого европейского собрата, – для меня особая честь.

То, что такой просвещенный ученый, как доктор Джордж Миллер, без тени сомнения утверждает, что среди народов античности и стран современного Востока никогда не существовало ни собственно рыцарства, ни чего-либо ему подобного, свидетельствует о прискорбной нехватке знаний о Востоке. Ошибка эта, однако, простительна, поскольку третье издание соответствующего труда любезного доктора вышло в тот год, когда коммодор Перри уже ломился в ворота, изолировавшие нас от мира. Более десяти лет спустя, когда японский феодализм уже содрогался в предсмертной агонии, Карл Маркс обратил внимание читателей своего «Капитала» на возможность наглядного изучения социальных и политических институтов феодализма, сохранившегося на тот момент только в Японии. Последовав его примеру, мне хотелось бы пригласить западного читателя, интересующегося историей и этикой, к изучению рыцарства, сохранившегося в современной Японии.

Подробное историческое сравнение феодализма Европы и Японии, равно как и европейского и японского рыцарства, сколь заманчивым бы оно ни казалось, не входит в задачи этой работы. Моя задача – попытаться рассказать, во-первых, об истоках японского рыцарства, во-вторых – о его характере и учении, в третьих – о его влиянии на население страны, и в четвертых – о преемственности и постоянстве этого влияния. Первый вопрос я освещу лишь вкратце, чтобы не заставлять читателя плутать по извилистым тропинкам истории нашего народа. Второй будет раскрыт полнее, поскольку он может оказаться любопытным для тех, кто интересуется этикой народов разных стран, нашими обычаями и образом мысли. Два оставшихся – затрону в самом конце книги.

Японское слово, которое я прежде приблизительно переводил как «рыцарство», пожалуй, еще более выразительно, чем английское horsemanship. Бу-си-до буквально означает «путь воина-рыцаря» – то есть путь, которого представитель воинской знати должен придерживаться как на поле боя, так и в повседневной жизни. Иначе говоря, это «рыцарский кодекс», noblesse oblige воинского сословия. Обозначив буквальное значение японского слова бусидо, в дальнейшем я буду пользоваться им. Это предпочтительно хотя бы потому, что своеобразие учения, столь неразрывно связанного с народом и влияющего на его характер и образ мыслей, должно сохраняться и в его названии. Некоторые слова имеют настолько ярко выраженный национальный колорит, что даже лучшим переводчикам не под силу передать его, не исказив смысла. Кто способен точнее выразить на родном языке то, что обозначается немецким словом Gemuet, и кто не чувствует разницы между такими похожими на первый взгляд словами, как английское gentleman и французское gentilhomme?

Таким образом, бусидо – это нравственный кодекс, которого должны были придерживаться японские рыцари. Кодекс этот не имел строгой письменной формы и бытовал в лучшем

случае в виде нескольких максим, передававшихся из уст в уста или записанных известным ученым или воином. Еще чаще он оставался неписанным и неизреченным, обладая при этом всей силой договора или закона, запечатленного на скрижалях сердца. Но истоком его были не размышления какого-то одного, пусть и самого прославленного, человека и не описание чьей-то жизни. Он сформировался естественным образом на протяжении многих веков военной истории. Для этики он, пожалуй, столь же значим, как английская конституция для политики, однако мы не найдем в его истории ничего подобного Великой Хартии Вольностей или акту «Хабеас Корпус». Да, в начале XVII века было написано «Уложение о военных домах», но тринадцать его коротких глав посвящены вопросам брачных церемоний, организации кланов, обустройства замков и тому подобному и почти не содержат этических наставлений. Поэтому мы не можем сказать с точностью, когда именно зародилось бусидо. С феодализмом его возникновение связывается лишь потому, что оно оформилось в феодальную эпоху. Но бусидо, как и феодализм – кружево, сплетенное из множества нитей. Считается, что английский феодализм возник во времена Нормандского Завоевания, а японский – в эпоху восхождения сёгуна Ёритомо в конце XII века. Но как отдельные черты феодального общества уже встречались в Англии до Вильгельма Завоевателя, так и ростки японского феодализма можно обнаружить задолго до указанного периода.

С утверждением феодализма в Японии, как и в Европе, выделилось профессиональное воинское сословие. Воины эти именовались самураями. Слово самурай, так же, как и староманглийское *sníht* (рыцарь), обозначало стражей или прислужников. Сходную роль выполняли аквитанские *soldurii*, о которых пишет Цезарь, *comitati*, охранявшие, согласно Тациту, вождей германских племен, или, если провести параллель с более поздним временем, *milites medii* средневековой Европы. Эти воины, которых также называли сино-японскими словами бу-ке или бу-си (рыцари-воины), были привилегированным сословием. Основным занятием этих, по всей видимости, довольно грубых людей были битвы. В период продолжительных войн это сословие пополнялось из числа самых мужественных и безрассудных, а слабые и робкие с течением времени покидали его в силу естественного отбора. Лишь те, кто, по выражению Эмерсона, относился к «обладавшей животной силой грубой породе, мужественной до мозга костей» выживали, обзаводились семьями и вставали в ряды самураев. Люди эти обладали значительными привилегиями и почитались эталонами воинской чести. Но они принадлежали к разным кланам и всегда должны были быть готовы к войне. На их плечи легла большая ответственность, и вскоре им потребовался общий кодекс поведения. Как врачи не соперничают друг с другом из соображений профессиональной этики, а нарушившие правила юристы предстают перед судом чести, так и воинам понадобился критерий, по которому можно было бы осудить совершившего проступок.

Честный бой! В этих словах, ассоциирующихся у нас с детскостью и варварством, кроются плодородные семена нравственности. Не в них ли корень всех воинских и гражданских добродетелей? Желание британского мальчишки Тома Брауна «оставить после себя репутацию парня, который никогда не трусил перед большими и не обижал маленьких» вызывает у нас улыбку, словно бы мы его переросли. Но всякому ясно, что это желание – фундамент величественных сооружений подлинной нравственности. Именно на нем стоит величие Англии. Кроме того, осмелюсь заметить, что оно полностью согласуется с заповедями самой кроткой и миролюбивой религии. Как мы вскоре обнаружим, тот фундамент, на котором стоит бусидо, ничуть не менее прочен. Квакеры справедливо утверждают, что любая война, как наступательная, так и оборонительная, – жестока и порочна по своей сути, но даже признавая их правоту, согласимся с Лессингом: мы «знаем, из каких пороков добродетель вырастает». Джон Рескин был известен своей кротостью и миролюбием. Но даже он верил в необходимость войны с пылом истинного воина. В «Венце из дикой маслины» он пишет: «Говоря, что война есть фундамент всякого искусства, я подразумеваю, что она также и основа всех человеческих добро-

детелей и способностей. Открытие это удивило и испугало меня, но позже я убедился в том, что это неоспоримый факт. Правдивым речам и ясным мыслям все великие народы научились на поле боя, всех их война укрепила, а мир ослабил, война обучила, а мир обманул, война воспитала, а мир предал. Иначе говоря, с войной они родились, а с миром угасли». «Подлец» и «трус» – худшие оскорбления. Это усваивает каждый ребенок и каждый рыцарь. Но со временем жизнь становится более многогранной, а отношения между людьми усложняются, и рано зародившаяся вера, стремясь утвердиться, ищет себе рациональное объяснение или опору на высший авторитет. Как низко пал бы благородный рыцарь, если бы им двигали лишь захватнические интересы без опоры на нравственные принципы! Несмотря на то что европейские рыцари часто интерпретировали Писание так, как им было удобно, его духовное содержание все же облагородило их. «Религия, война и слава – три начала истинного христианского рыцаря», – писал Ламартин. В Японии же у бусидо было несколько истоков.

Глава 2

Истоки бусидо

Начать следует с буддизма. Он дает чувство спокойного доверия к судьбе, смирения перед неизбежным, учит владеть собой перед лицом опасности, презирать жизнь и дружить со смертью. Говорят, что один мастер клинка, увидев, что его ученик постиг высшую премудрость искусства владения мечом, сказал ему: «Отныне дзен займет место моих наставлений». Дзен – это японский эквивалент дхьяны, который, по словам Лафкадио Хирна, «представляет собой стремление человека при помощи медитации достичь областей мысли за пределами словесного выражения». Метод его – созерцание, а цель, насколько я сам ее понимаю, – постичь принцип, лежащий в основе всех вещей, а если это возможно, то и сам Абсолют, и таким образом достичь гармонии с ним. Дзен, понимаемый таким образом, – нечто большее, чем догмат одной секты. Человек, постигший Абсолют, возвышается над повседневностью и пробуждается. Ему открываются новое небо и новая земля.

Чего не смог дать буддизм, того в изобилии хватало в синтоизме. Такой верности правителю, такому почтению к памяти предков и уважению к старшим не учит ни одна другая религия. Учение синто внушило высокомерным самураям покорность. В теологии синтоизма нет догмата о первородном грехе. Напротив, согласно ей, человеческая душа изначально блага и чиста подобно Богу. Она почитается так же, как та святая святых, в которой изрекают откровения божественные оракулы. Всякий, кто бывал в синтоистских храмах, несомненно, заметил, что там нет объектов для поклонения и ритуальных принадлежностей. Самый важный предмет в них – зеркало, висящее в святилище. Присутствие его там легко объяснимо: оно символизирует человеческое сердце, в котором, если оно безмятежно и чисто, отражается образ Божий. Представ перед святилищем, вы видите собственное отражение в зеркале, и обряд поклонения, таким образом, сводится к древнему велению дельфийского оракула: «познай самого себя». Однако ни в греческих, ни в японских учениях самопознание не подразумевает постижение физической стороны человека, его анатомии или психофизики; это нравственное познание, постижение собственной моральной природы. Моммзен, сравнивая греков и римлян, говорит, что греки, поклоняясь богам, поднимали глаза к небу, и молитва их была созерцанием, тогда как римляне покрывали голову – их молитва была размышлением. Размышление японцев над собственной природой подобно римскому представлению о религии в том, что на первый план оно выдвигает не столько нравственное, сколько национальное сознание личности. Свойственное японцам преклонение перед природой внушило нам сокровенную любовь к нашей стране, а обычай почитания предков, передающийся из поколения в поколение, придал императорскому роду статус прародителя всего народа. Для нас Япония – не просто земля, на которой можно сеять пшеницу и добывать из нее золото. Это священное обиталище богов и духов наших предков. Император для нас – это не Верховный Констебль правового государства и даже не Патрон государства культурного. Он – телесное воплощение Неба на земле, олицетворение его могущества и милосердия. Если месье Бутми не ошибается, говоря в своей книге «Англичане» об английской монархии, что «она есть не только образ власти, но и гарант и символ национального единства», то по отношению к японской монархии сказанное им справедливо вдвойне или втройне.

Доктрине синтоизма соответствуют две главные черты характера нашего народа – патриотизм и верность. Артур Мэй Нэпп в своем труде «Феодальная и современная Япония» справедливо замечает, что «читая еврейскую литературу, часто трудно сказать, говорит ли автор о Боге или об Израиле, о Небе или об Иерусалиме, о Мессии или о самом народе». Подобную путаницу можно усмотреть и в наших национальных верованиях. Я употребил слово «путаница»

потому, что руководствующийся строгой логикой разум может усмотреть двусмысленность в словесных определениях их основных понятий. Однако синтоизм, будучи опорой для национального самосознания и чаяний народа, никогда не претендовал на звание строгой философской системы или рационально обоснованной теологии. Эта религия – или, может быть, правильнее сказать, те чувства народа, которые она в себе воплощает? – пропитала бусидо любовью к родной земле и верностью к правителю. И то, и другое – скорее инстинктивное чувство, нежели доктрина. Синтоизм в отличие от средневековой христианской церкви не предписывал, во что должны верить его приверженцы, а лишь давал простые и ясные указания того, как им следует поступать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.